

майстерності. Це, насамперед, зосередженість на самоаналізі і об'єктивізація природних позначок чуттєвих рис краси, які, в свою чергу, врешті-решт сфокусують цікавий погляд автора – Марії Башкирцевої – на збереженні поєднання непорушного взаємозв'язку спілкування художника зі світом, де "впливовість формотворчих барв" вже у створеному доробку викристалізовує роздуми автора над своїм призначенням та фатумом невідворотності останньої миті життя. Термін "впливовість формотворчих барв" дозволяє провести аналіз художньої творчості митця, насамперед, М. Башкирцевої, а, отже і прослідкувати традиції європейського живопису, стилістика якого проявила себе у індивідуальній майстерності створених нею завершених шедеврів, які входять без перебільшення до скарбниці світового мистецтва.

Висновки. Чітка взаємодія міждисциплінарних рівнів аналітики – мистецтвознавства та естетичного аналізу – дозволяють гнучко та системно розглянути творчий доробок Марії Башкирцевої, вишукані мистецькі скарби якої були малодосліджуваними як провідними вітчизняними, так і європейськими науковими колами. Зрештою, автору статті у ювілейні роковини вшанування пам'яті Башкирцевої вдалося підкреслити особливу художню цінність мистецьких робіт Марії Костянтинівни, застосовуючи при цьому такі термінологічні складові, як "індивідуальна стилістика майстерності" та "формовияв образотворчої мови".

Література

1. Дорогань И. В. Личность художника как предмет культурно-антропологической идентификации: феномен М. Башкирцевой // Вісник СевНТУ. – Вип. 102: Філологія. – 2010. – С. 17 – 20.
2. Панасюк О. С. Видозміни загальноєвропейської художньої течії імпресіонізму в національному мистецтві України // Актуальні питання культурології. – Вип. 10. – 2010.
3. Дорогань И. В. Дворянская семья как образовательное пространство (по "Дневнику" Марии Башкирцевой) // Русская литература. Исследования. – Вып. XIII. – 2009.
4. Черниш А. Є. Художній образ Марії Башкирцевої у контексті націоцентричної прози М. Слабошпицького // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – № 3 (214). – 2011.
5. Башкирцева М. Дневник. – М.: ЗАХАРОВ, 1999. – 448 с.

УДК 781.9

Кобелева Д. Л.

(г. Харьков)

МУЗЫКА КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

У статті розглядаються деякі проблеми, пов'язані з можливістю отримання достовірного знання про музичний феномен в рамках його філософсько-культурологічного розгляду. Робиться висновок про те, що культурно-історичне різноманіття музики є найбільш суттєвою перешкодою на шляху її вивчення.

Ключові слова: музика, філософсько-культурологічний аналіз, предмет філософії музики.

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с возможностью получения достоверного знания о музыкальном феномене в рамках его философско-культурологического рассмотрения. Делается вывод о том, что культурно-историческое многообразие музыки является наиболее существенным препятствием на пути её изучения.

Ключевые слова: музыка, философско-культурологический анализ, предмет философии музыки.

The article devoted to the analysis of several problems associated with the possibility of obtaining reliable knowledge about the musical phenomenon in its philosophical and cultural consideration. Makes conclusion that the cultural and historical diversity of music is the most significant obstacle of its study.

Keywords: music, philosophical and cultural analysis, the subject of the philosophy of music.

Задача філософсько-культурологічного аналізу музики є достатньо непростий ввиду специфічності досліджуваного феномена. Проблеми виникають як при відборі матеріала для вивчення, так і при інтерпретації отриманих результатів. В даній статті ми пропонуємо звернути увагу на ті моменти, які, на наш погляд, мають найбільше вплив на точність і адекватність результатів, а, значить, впливають і на розвиток даної сфери пізнання в цілому.

Перша група питань пов'язана з культурним різноманіттям проявів музичного феномена. На сьогоднішній день європейська музика, так чи інакше, є зразком музичного мистецтва для всього світу. Для європейського слухача здається повністю очевидним, що саме вона є найбільш адекватним відображенням сутності музичного феномена. Тому більшість історичних і теоретичних концепцій розглядають музику, починаючи з часів Давньої Греції і дотепер, не звертаючи уваги на існування інших музичних культур і традицій. Це стосується і філософії, і теорії музики. Даний факт сам по собі, швидше за все, не несе ні негативної, ні позитивної оцінки, може бути,

даже являясь вполне естественным. Но его влияние на развитие науки о музыке весьма существенно.

В результате анализа существующих философско-теоретических методов познания музыки, становится очевидным, что множество выводов, полученных в рамках этих подходов, не вполне адекватно описывают даже некоторые мировые музыкальные традиции, отличные от европейской. Например, музыку Индии и Китая. Чем больше мы вникаем в разнообразие музыкальных культур, тем очевиднее для нас становится то, что многие истины нашей музыки и её теории – лишь историческое явление, а, следовательно, заниматься их познанием должна история музыки, а не её философия. Согласно А. Веберу, всё, что возникает в сфере культуры «пребывает и остаётся по своей сущности замкнутым в том историческом теле, в котором оно возникает, и внутренне связанным с ним. Возникает не объективный космос, а душевно обусловленная рядоположенность символов. Подобным самостоятельным миром символов, обладающим ... собственным в сущности непередаваемым содержанием, является китайский, индийский, египетский, вавилонский, античный, арабский, западноевропейский и все остальные миры культуры – всё, что в них действительно относится к культуре» [1].

Таким образом, изучением отдельных музыкальных традиций занимается теория музыки, которая собственно и направлена на сохранение и продление той или иной культуры в деятельности последующих поколений композиторов. В данном случае основной задачей является необходимость передачи знания и накопленного опыта, с чем теория музыки в целом хорошо справляется.

Но данный подход совершенно неприемлем для философии музыки. Философия призвана познавать мир в целом, а не европейский, азиатский, южноамериканский и прочие миры. Значит, философские изыскания в области музыки также должны носить характер всеобщности.

Кроме этого, философско-культурологический анализ музыки сталкивается ещё с одной немаловажной проблемой. Дело в том, что традиция в области философского познания требует, перед тем как начинать новое исследование в этой области, обратиться к тем знаниям, которые были накоплены за тысячелетия существования философии. Данный подход вполне оправдан, поскольку, как показывает опыт развития нашей цивилизации, наиболее общие вопросы о сущности мира и человека не изменились с тех пор, как они были озвучены в рамках возникшей философии. Следовательно, те ответы, которые давались на них две тысячи лет назад, ничем «не хуже» тех,

которые вырабатывает современная философская мысль. Поэтому, вполне естественно, что если мы хотим рассуждать, к примеру, о природе Души человека, мы обязаны познакомиться со всей философской традицией рассмотрения этого вопроса.

Проблема в том, что данный подход не вполне оправдан по отношению к философии музыки. Если внимательно присмотреться, мы можем заметить, что Пифагор и Шопенгауэр, к примеру, рассуждали о совершенно разной музыке.

Дело в том, что, произнося слово «музыка», мы подразумеваем вполне определённое и исторически ограниченное явление, возникшее в XVIII веке. А именно инструментальную музыку преимущественно гомофонно-гармонического склада. Именно это явление порождает определённые вопросы в нашем сознании, именно к нему обращаются за доказательствами современные философы музыки. Естественно, мы можем представить или даже послушать музыку предыдущих эпох, но не сможем воспринять, услышать её так, как слышали тогда. Мы будем вписывать её в рамки привычного восприятия. К сожалению, в случае с музыкой мы действительно очень привязаны к привычке восприятия. Скорее всего – это просто особенность исторического развития сознания человека. Мало того, что мы привыкаем к тому или иному звучанию, существуют и более объективные факторы, влияющие на то, как мы слышим и понимаем музыку. К примеру, социальные. Музыка, звучащая в рамках того или иного социального действия, связанная с ним в смысловом плане, и музыка сама по себе, ни к чему не относящаяся – это два совершенно разных вида музыки. Музыка сама по себе – достижение сравнительно недавнее. И, когда мы говорим о необходимости философского познания музыки, мы имеем в виду именно эту последнюю. Она представляется нам совершенно самостоятельным феноменом мира, обладающим своими объективными законами, требующим отдельного изучения. Совершенно о другой музыке говорили в эпоху Античности, в эпоху Средневековья и Возрождения.

Несомненно, европейская музыкальная традиция является целостной. Но, если сопоставить две отдалённые эпохи, различия будут существенными. К примеру, для европейской музыки свойственно использование определённых интервалов (квинта, кварта, терция), открытых ещё Пифагором. Правда мы часто забываем о том, что величина их несколько изменилась. Значит, и звучит наша кварта, к примеру, немного иначе, чем в Древней Элладе. Деление октавы на 12 равных частей вошло в обиход, только начиная с Баха.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы. По всей вероятности, изучение музыки «как есть», т.е. вписанной в определённый культурно-исторический контекст, не позволит достигнуть нужного для философии уровня достоверности и всеобщности знания. Отсюда следует необходимость выделения из музыкальной традиции некой музыкальной абстракции, которая только и может быть предметом философского анализа. При изучении музыки философия не должна брать во внимание эмпирическое многообразие её форм. Она должна выделить абстрактную сущность данного феномена, которая будет одинаково применима ко всем музыкальным системам. Следовательно, основная задача современных исследований музыки как раз и должна быть направлена на поиск и конструирование собственного предмета.

Литература

1. Вебер А. Избранное : кризис европейской культуры : пер. с нем. / А. Вебер. — СПб : Университетская книга, 1999. — 565 с.

УДК 343.156:82.09

Мокрецова Н. Я., Овчаренко В. М.

(г. Харьков)

ПРОБЛЕМА СОЦІАЛЬНОГО СТАТУСУ ЖІНКИ В ПОЕЗІЇ ЛЕСІ УКРАЇНКИ

У статті розглядаються аспекти становлення тендерної ідентифікації жінки, що пов'язані з прагненням жінок до влади протягом всієї історії людства. Показано, що літературно-філософський аналіз Лесі Українки прикладу успішного керівництва державою жінкою у стародавні часи має значення для подолання стереотипів сучасності.

Ключові слова. Соціальний статус, тендерна ідентифікація, жінка-фараон, літературний образ.

В статье рассматриваются те аспекты становления гендерной идентификации женщины, которые связаны со стремлением женщин к власти на протяжении всей истории человечества. Показано, что литературно-философский анализ Леси Украинки примера успешного руководства государством женщиной в во времена древности имеет значение для преодоления стереотипов современности.

Ключевые слова: Социальный статус, гендерная идентификация, женщина-фараон, литературный образ.

The paper deals those aspects of the formation of gender identity women, which are the manifestation of the desire of women to power throughout the history of mankind. It is shown that